

Иващенко Я. С.
Ya. S. Ivaschenko

24.00.01

**ОПИУМ, ТАБАК И ВОДКА
В КУЛЬТУРЕ НАНАЙЦЕВ: К ИСТОРИИ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
OPIUM, TOBACCO AND VODKA IN THE
NANAIS CULTURE: ON THE HISTORY OF
INTERCULTURAL COMMUNICATION IN
THE RUSSIAN FAR EAST****Иващенко Яна
Сергеевна** — кандидат
культурологии, доцент
кафедры культурологии
Комсомольского-
на-Амуре
государственного
технического
университета,докторант кафедры теории и истории культуры
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-
Петербург). E-mail: iva_ya@mail.ru.**Ms. Yana S. Ivaschenko** — PhD in Cultural
Studies, Associate Professor at the Department of
Komsomolsk-on-Amur State Technical University,
Doctoral Candidate at the A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University (St. Petersburg) E-mail:
iva_ya@mail.ru.Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, про-
ект № 09-01-88103a/Т**Аннотация:** В статье рассматривается проблема проникновения в процессе межкультурной коммуникации на территорию Приамурья табака, водки и опиума. Изучаются условия возникновения у этих веществ в культуре-реципиенте новых социальных, половых, ритуальных и других коннотаций. Раскрывается роль прежних нанайских традиций в формировании этих новых коннотаций.**Summary:** This article deals with the problem of penetration of opium, tobacco and vodka into the Amur River region as a results of intercultural communication processes. The conditions causing that these substances acquired new social, sexual and ritual connotations in the recipient culture are also investigated in the article. The role of ancient Nanais traditions in the process of bringing these new connotations to life is analyzed.**Ключевые слова:** алкалоиды, галлюциногены, новые отношения, традиции, гендер, пища, коннотации.**Keywords:** alkaloids, hallucinogens, exchange relations, traditions, gender, meal, connotations.

Интерес к проблеме изучения обычаев потребления веществ, вызывающих психологическую и биохимическую зависимость у аборигенов Дальнего Востока, в современной гуманитарной науке обусловлен рядом причин. Во-первых, этот вопрос остается сегодня мало изученным, главным образом по причине его игнорирования советской этнографией. Лишь в некоторых источниках периода 30-90-х гг. XX в. кратко констатировалось, что все народонаселение курило табак, независимо от возраста и половой принадлежности. В текстах из антологий народного фольклора, опубликованных в советский период, также достаточно редко встречаются упоминания о курении табака. Как правило, курящим персонажем в этих источниках является только мужчина. Об алкалоидах и галлюциногенах, факт употребления которых деидеализирует образ «неиспорченного цивилизацией дикаря» и дискредитирует советскую «воспитательную» систему, не упоминалось.

Основная информация о культуре употребления водки, табака и опиума содержится в этнографических трудах имперского периода (конца XIX — начала XX вв.), когда в отечественной этнографии доминировала эволюционистская парадигма в изучении культуры. Эти работы носят описательный характер, информация в них часто субъективна и сопровождается оценочными высказываниями. Подобные тенденции в изображении правил использования веществ, изменяющих сознание, сохраняются в отечественной науке вплоть до 30-х гг. XX в. Одни авторы посредством дескрипции церемоний курения и потребления алкогольных напитков стремились изобразить аборигенов как «абсолютных дикарей», не знающих меры ни в чем [11; 12]. Другие исследователи и публицисты с сожалением или озабоченностью констатировали, что потребление опиума, табака и водки негативно сказалось на здоровье и моральном облике коренных народов юга Дальнего Востока. Такие работы сводились в основном к выявлению внешних причин (как правило, инокультурных влияний), приведших в начале XX в. к деградации аборигенной культуры [1; 2; 5; 6]. Были написаны также труды, в которых обозначались каналы поступления водки, табака и опиума на Дальний Восток России, однако отмечалось, что их потребление не наносит особого вреда аборигенам [18]. В некоторых публикациях процесс «вымирания» коренного населения региона, инициировавшийся злоупотреблением алкоголя и табака, расценивался как неизбежное явление и связывался с законами естественного отбора. Так, в источнике конца XIX века отмечается: «Возможно, они скоро совсем вымрут и будут проклинать казаков, которые пришли на их земли. Но судьбы не изменишь! Железный закон борьбы за существование. Нам, цивилизованным людям, остается только... «помириться с таким ходом дела» [8, 126].

Для отечественной науки проблема распространения в среде народов Дальнего Востока вызывающих зависимость веществ актуальна также в плане межэтнических отношений. Как показали материалы полевых исследований автора, в ряде нанайских сел в настоящий момент существует мнение, что зависимость от табака и алкоголизм появились у аборигенов

Иващенко Я. С.

ОПИУМ, ТАБАК И ВОДКА В КУЛЬТУРЕ НАНАЙЦЕВ: К ИСТОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Амура в ходе русской колонизации. Таким образом, персонифицируют «источник зла» в тех населенных пунктах, рыболовецкие артели которых сотрудничают с китайскими торговыми компаниями. Подобная интерпретация процессов, связанных с освоением Дальнего Востока русскими, характерна и для американской антропологии XIX–XX вв. Уже в начале XXI века профессор калифорнийского университета Ю. Слезкин в книге, посвященной проблеме взаимоотношения коренных народов Дальнего Востока с русским населением, при описании сцен знакомства аборигенов с водкой стремился показать, что первые ранее ничего не знали об этом напитке [16]. Однако данные русской этнографии кон. XIX — нач. XX вв. свидетельствуют об обратном. Поэтому мы считаем необходимым изучение вопросов проникновения, распространения и семантизации водки, табака и опиума в среде нанайцев, а также роли русского населения в этих процессах. В одном правы представители коренного населения и их «заступники»: водка, табак и опиум — яркий пример «новации», которая в дальнейшем стала неотъемлемой частью «традиции» народов Дальневосточного региона.

Единственное значительное исследование проблемы табакокурения у малочисленных народов России — работа А.В. Шаповалова «Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири». Используя данные археологии, этнографии, фольклористики и языкознания, он отследил путь этого «периферийного» компонента традиционной кухни с американского континента, начиная с XV в., и изучил историю его проникновения и адаптирования в Сибири и на севере Дальнего Востока [17]. Автор рассматривал этот вопрос в основном на примере народов Северной и Южной Сибири, а также палеоазиатов. А.В. Шаповалов собрал ценные материалы и о каналах распространения табака на юге Дальнего Востока. Начало проникновения его на побережье Тихого океана он датирует XVII в. [17, 6]. Л. Шренк, опираясь на свидетельства русского посла в Китае, отмечал, что в конце XVII века дауры, проживающие в Приамурье, не только были знакомы с табаком, но и умели его выращивать [18, 156]. Известен также факт, что нанайцы, у которых вплоть до начала XX в. доминировало присваивающее хозяйство, в XIX в. выращивали эту культуру [6; 11; 18]. Но культивирование табака было развито больше у поселившихся на этой территории маньчжуров. Кроме того, они учреждали на территории Уссурийского края заводы по производству ханшина [1; 5; 18]. Наиболее предприимчивые из аборигенов Сибири и Дальнего Востока включались в процессы распространения изменяющих сознание веществ. В частности, известно о нанайском, якутском и эвенском посредничестве [4; 8; 16; 17].

Информация о способах и манерах потребления табака, водки и опиума, а также описание обеспечивающих эти процедуры аксессуаров, представленные в этнографических источниках XIX — нач. XX вв., также свидетельствуют, во-первых, о том, что аборигены Приамурья были знакомы с алкоголем и курением еще до прихода русских; во-вторых, использование этими народами алкалоидов и галлюциногенов тесно связано с китайскими пищевыми традициями. Даже с появлением русского напитка на приамурском рынке, предпочтение отдавалось китайской водке, называемой ханшин (хань-шинь). Она была крепче, но дешевле русского напитка, не вызвала похмельного синдрома. Синюшные масла удалялись из напитка в процессе его горения (ханшин перед употреблени-

ем поджигали) [5; 6]. Водку нанайцы именовали также «араки». Так называли свой алкогольный напиток, сделанный на основе молока, буряты [11]. Возможно, этот сибирский кочевой народ выступал не производителем, а лишь посредником в торговле напитком. В этнографическом музее нанайского с. Найхин Хабаровского района содержатся сосуды китайского производства для хранения водки и рюмки для ее употребления. В самом Китае использование данного напитка сопровождало, а курение табака или опиума завершало каждую трапезу [6, 4–6]. Об особой роли Северного Китая в распространении водки говорит и то, что по мере удаления от границы с Китаем потребление водки сокращалось. Так, в одном из отчетов о Гарино-Амгуньской экспедиции обозначалось, что гаринские гольды «водку пьют, но мало» (за исключением свадебных церемоний) [10, 42]. Табак нанайцы называли «маньчжурка», «китайский шар» [10; 17], что также указывает на канал его поступления.

Обычай курения опиума, несмотря на более позднее его появление на Дальнем Востоке (во второй пол. XIX в.), также связан с маньчжурским влиянием [11, 116]. Об этом свидетельствует не только описание характерного для процедуры курения сопроводительного инвентаря, но и содержание легенды о происхождении мака и опиума в Приамурье, записанной П.П. Шимкевич [11, 119]. Согласно этому источнику, маковый цветок возник из осколков разбитого сердца маньчжурской девушки, возлюбленной гольда. Она завещала ему собрать с него семена, отжать из них молоко, сварить и курить, чтобы таким образом смягчить боль утраты и забыть ее.

Опиума было много лишь в районах р. Уссури и р. Сунгари, граничащих с Северным Китаем. На Нижнем Амуре, основной территории проживания нанайцев, он не был широко распространен [11, 110]. Манера курения опиума со времени его проникновения на территорию уже тогда российского Дальнего Востока вплоть до начала XX века оставалась практически неизменной. Даже в 20-х гг. XX в. он оставался элитным товаром. По стоимости он был гораздо выше табака и водки. Как отмечается в источнике 1930 г., гольды, занимающиеся снабжением опиума, «держались очень солидно», были «неразговорчивы» и «хорошо одеты» [4, 17]. Можно сказать, что формирование местной «элиты» было связано с поставками этого «лакомства», вызывающего сильную зависимость.

Таким образом, на территории проживания нанайцев курение опиума не было масштабным явлением и связывалось с экстатическими практиками и престижностью. Зато табак и водка стали товаром широкого потребления, хотя они также имели высокую (по меркам аборигенов Дальнего Востока) стоимость. Их принятие местным населением было обусловлено не только способностью новых веществ вызывать зависимость, но и существованием у нанайцев издавна опыта приготовления и потребления одурманивающих средств. Согласно этнографическим источникам, они делали настойки из мухомора, молодых веток черной березы, багульника [15, 121], использовали также составы из корня женьшеня, веток можжевельника [17, 189] и окуривали багульником помещения во время шаманского камлания. Быстрому распространению водки и табака по территории проживания аборигенов Амура, на наш взгляд, также способствовала пропаганда торговцами их целебных свойств. А.В. Шаповалов отмечает, что в Китае в 1661 г. вышел трактат врача о лечебных свойствах табака [17, 96]. Полезные же качества китайской водки, очевидно, выводились из факта использования хан-

шина в китайских лекарствах в качестве растворителя. А дальнейшее использование водки в шаманских кампаниях, которые проводились также в случае лечения больного, окончательно сформировало представление о полезности и необходимости этого продукта для нанайцев. Итак, в результате сочетания этих новаций с местными обычаями появились их новые оригинальные экономические, социальные, половозрастные и ритуальные коннотации.

Водку, табак и опиум коренное население выменивало на пушнину. Таким образом, эти вещества (как и пушнина) выступали в торговых отношениях между народами Дальнего Востока эквивалентом денежных (меновых) средств. Другие одурманивающие вещества — мухоморы, женьшень — у народов таежных регионов, в том числе и у нанайцев, согласно имеющимся данным, также являлись предметом обмена: грибы они поставляли на север региона, женьшень — в Китай [8, 66; 17, 184]. То есть появление у табака и водки значения товарной стоимости было подготовлено имеющейся уже у народов практикой реализации других галлюциногенов.

Эта экономическая мотивация стала актуальной также для ритуальной сферы этнокультуры. О фигурировании водки и табака в церемониях обмена «дарами» с духами-предками или духами-хозяевами местностей упоминается во многих исследованиях, посвященных народам Дальнего Востока. Однако доказательство существования подобного ритуального значения пушнины мы обнаружили лишь в одной ульчской сказке (ульчи являются генетически родственными нанайцам народностью). В ней шкурку черного соболя герой приносит в жертву предкам. Но она вновь возвращается к герою [13, 231-236].

Водка и табак сначала становились частью ритуального угощения [7; 9]. В этом, главным образом, проявлялась их связь с пищей. В структуру жертвы эти нововведения уже входили, имея новый культурный код. В трехчастной композиции жертвенного угощения в конце XIX — начале XX века эти участвующие в обмене между разными народами вещества символизировали медиатор между сферами космоса: животным (природным) миром и миром людей [9]. Эту семантику «огненная вода» и «табачный дым» заимствовали у таких «медиумов» нанайских практик общения с потусторонним миром, как реальные огонь и дым. Постепенно состав ритуального угощения редуцировался в основном за счет вытеснения изменяющими сознание веществами других компонентов. В результате, как показали полевые исследования автора, сегодня в ритуальном кормлении может фигурировать только один компонент — водка («первинки» из бутылки) или табак (сигареты). Явление метонимии или равнозначной замены всей композиции (целого) отдельной ее частью было характерно для традиционных мифоритуальных практик народов Приамурья (в роли части, эквивалентной целому, часто выступала голова человека или животного).

Таким образом, популярность водки и табака в обрядовой сфере нанайцев, на наш взгляд, обусловлена рядом причин: во-первых, их биохимическими характеристиками (способностью изменять сознание); во-вторых, наличием сформированного в повседневных практиках значения меновых объектов (в ритуальной коммуникации нанайцы воспринимали процесс добывания пищи как «обмен» дарами); в-третьих, их компактностью при высокой стоимости. Вытеснение ими других компонентов традиционной ритуальной кухни было одной из форм их адаптированности в нанайской культуре. В условиях полукочевого образа жизни

наличие компактного и не требующего специального приготовления провианта для «кормления» духов было очень удобно. У нанайцев сформировалась привычка брать водку и табак для этих целей с собой на промысел. Поэтому эти вещества стали не только символами «соединения», но и «пути».

В нанайских социальных практиках правила употребления водки и табака являлись средством выражения почтения, согласия, принятия в свой круг, демонстрации благосостояния. А сам факт подачи водки означал наступление праздника или другого важного события. Эти значения в чем-то были схожи с ритуальной семантикой рассматриваемых компонентов, только адресатом общения выступало не духовное существо, а человек из другого племени, иной половой, социальной, возрастной группы. Некоторые из этих социальных коннотаций сформировались еще за пределами нанайской культуры. В первую очередь это значение демонстрации благосостояния, которое проявляется в порядке использования и оформлении посуды для питья водки, аксессуарах для табака, а главное, манере его курения (в позе необремененного работой человека). В среде нанайцев упомянутые смыслы обрели колоритную специфику.

Так, выражение почтения и отношений подчинения проявлялось в подношениях молодыми людьми старым представителям рода водки. Младший при этом для демонстрации уважения становился перед старшим на колени, либо коленопреклонение заменялось поклоном. Подача закуренной трубки гостю имела ту же семантику, что и подношение водки с поклоном. То есть хозяин подчеркивал статус гостя, ставя себя в заведомо низкое по отношению к нему положение. Похожее проявление заботы и уважения по отношению к гостю было характерно и для удэгейцев, являвшихся генетически родственными нанайцам народом. Блюдо для него, согласно материалам В.К. Арсеньева, предварительно разжевывалось женщинами, чтобы было легче поглощать еду [3, 20]. Гостю у нанайцев всегда предлагали не только трубку, но и пищу. Распределение еды во время коллективной трапезы начиналось обязательно со старших. Таким образом, почитание старших и гостеприимство — главные этические ценности нанайцев — реализовывались в культуре потребления пищи, табака и водки.

Трубку мужчине (если это не гость) подавали женщине или слуга. При этом первый занимал позу, свидетельствующую о его высоком статусе по отношению к двум последним [17]. Акт подачи прибора для курения являлся указанием на проявление покорности, а также признание за собой более низкого статуса по отношению к хозяину. В ульчской сказке «Две сестры-пудин» [13, 236-242] героиня протянула трубку медведю. В повествовании это действие мотивируется обычаем гостеприимства. Однако к одной из сестер, которая не испугалась зверя и подала табак, вскоре явился в облике человека жених. Ситуация последующего сватовства инициировалась новым подношением героиней трубки будущему мужу. В фольклорном источнике «Из какого корня нани (люди) пошли» [14, 20-21] совместное курение парнем и девушкой одной трубки являлось началом их жизни в браке. Следовательно, у нанайцев курить вместе означало установить искусственное родство не только посредством действия дыма (который в нанайской ритуальной практике выполнял функцию медиатора между уровнями мироздания), но и в результате взаимобмена слюной (что являлось заменой поцелуя). В другом тексте, записанном у народов Приамурья «Сказание о двух братьях» [14, 31-33], общее приготовление и потребление пищи раз-

Иващенко Я. С.

ОПИУМ, ТАБАК И ВОДКА В КУЛЬТУРЕ НАНАЙЦЕВ: К ИСТОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

нополями героями предшествовало их женитьбе. Таким образом, процедуры совместного курения и трапезы на начальном этапе свадебной обрядности имели значение согласия на брак. Групповое же питье водки, как отмечается в этнографических работах, происходило уже в случае полной договоренности обеих сторон и празднования по этому случаю [7].

В литературе описываются и другие поводы коленапоклонения в момент подношения водки — ситуации прощения [11, 113-114]. Мотивация и мотивировка этого действия различны. Владение акциональными и вербальными кодами культуры питья здесь — лишь средство достижения корыстных целей. Просящий, ставя нарочно себя в уничижительное положение перед тем, у кого собирается что-либо просить, стремился таким образом склонить его к милости. При этом события форсировались предложением выпить сначала первую, затем вторую рюмку. В случае отказа на просьбу, просящий убеждал все же не пренебрегать подарком, сам тем временем ожидая, что сердце господина «смягчится» водкой, и он не сможет устоять перед предстоящей в случае согласия выполнить просьбу попойкой.

Таким образом, в культуре потребления нанайцами табака, водки и опиума можно выделить природно-экологический, общественно-экологический и социорегулятивный аспекты. Природно-экологическое измерение представлено прежними традициями народа, сложившимися в процессе взаимоотношения нанайцев с окружающей природой и определивших реагирование культуры на новации и их отбор. В данном случае это существование экстатических практик (шаманизм) и связанные с ними древние навыки изготовления галлюциногенов из местного сырья. Общественно-экологическое измерение представлено культурой межэтнических отношений, в ходе которых со стороны культуры-донора осуществляется регулирование процессов распространения товара посредством сотворения мифов о его полезности и необходимости, наглядной демонстрации способов их производства, распределения и потребления. А в семиотическом поле культуры-реципиента совершается работа по отбору и «переработке» нововведений, придание им нового, но с учетом местных традиций смысла. Социорегулятивный план составляет культура оперирования этими, уже адаптированными, значениями водки, опиума и табака для регулирования гендерных, межпоколенных и других отношений внутри культуры.

Как показало наше исследование, легитимация этих веществ у нанайцев осуществилась и зависимость от них была сформирована еще до включения Приамурья в состав России и вообще знакомства их с русскими казаками и купцами. Последние долго оставались неконкурентоспособными в торговле этими имеющими огромный спрос товарами перед натиском северокитайских экспортеров. Аборигены, возможно, в силу привычки связывать все нововведения с влиянием русских, выработанной у них за последнее столетие, инкриминируют им то, в чем сами некогда принимали участие, не интерпретируя при этом свои действия как причинение социального «зла». И если бы русские в итоге не «навязали» им свою «огненную воду» и махорку, они по-прежнему бы отдавали последнее за ханшин, маньчжурку или китайский шар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев, В. К. Вымирание инородцев Амурского края: Лекция, прочитанная дир. Гродековского музея В. К. Арсе-

ньевым в г. Хабаровске на съезде врачей в 1913 г./В. К. Арсеньев. — 18 с.

2. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический/В. К. Арсеньев. — Хабаровск: Тип. канцелярия приам. генерала-губернатора, 1914. — 203 с.

3. Арсеньев, В. К. Лесные люди-удэгейцы/В. К. Арсеньев. — Владивосток: Кн. дело, 1926. — 48 с.

4. Бооль, В. Б. Гольды с р. Тунгуски. Этнографический очерк/В. Б. Бооль. — Хабаровск: Кн. Дело, 1930. — 42 с.

5. Вradий, В. П. Опьяняющие напитки китайцев, корейцев, японцев и инородцев Уссурийского края/В. П. Вradий. — СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1904. — 13 с.

6. Вradий, В. П. Пищевые продукты китайцев, корейцев, японцев и других инородцев Дальнего Востока (заметки из путешествия по Азии)/В. П. Вradий. — СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1904. — 16 с.

7. Гаер, Е. А. Древние бытовые обряды нанайцев/Е. А. Гаер. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. — 144 с.

8. Груздев, Ф. С. Амур (Природа и люди Амурского края)/Ф. С. Груздев. — СПб: Издание П. П. Сойкина, 1896. — 144 с.

9. Иващенко, Я. С. Пищевые предписания и запреты в традиционной промысловой обрядности нанайцев/Я. С. Иващенко // Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы: сб. науч. тр. — Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2008. С. 113-117.

10. Козьминский, И. И. Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов/И. И. Козьминский // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 года. Предварительный отчет Н. Г. Каргера и И. И. Козьминского. — Л.: АН СССР, 1929. С. 25-48.

11. Лопатин, И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования «Записи общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела русского географического общества»/И. А. Лопатин. — Владивосток, 1922. — 363 с.

12. Лопатин, И. А. Наблюдение над бытом гольдов/И. А. Лопатин. — Владивосток: Изд-во университета, 1921. — 46 с.

13. Мифы и легенды Севера: Сборник/Сост., примеч. В. М. Санги. — М.: Современник, 1985. — 400 с.

14. Островский, А. Б. Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел/А. Б. Островский. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 195 с.

15. Сем, Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX- середина XX века). Этнографические очерки/Ю. А. Сем. — Владивосток, 1973. — 313 с.

16. Слезкин, Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера/Ю. Слезкин/Авторизованный пер. с англ. О. Леонтьевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 512 с.

17. Шаповалов, А. В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири. XVII — первая половина XX вв./А. В. Шаповалов. — Новосибирск: Издательский центр «Прогресс-Сервис», 2002. — 258 с.

18. Шренк, Л. Об инородцах Амурского края. Т. 2. Этнографическая часть. Первая половина: главные условия и явления внешнего быта/Л. Шренк. — СПб: Издательство императорской академии наук, 1899. — 314 с.